

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА

Фоторепортаж М. ТРАХМАНА

В то недавнее утро, когда на Московском заводе малолитражных автомобилей стало известно о созыве Пленума ЦК КПСС, работники завода заявили, что они становятся в честь Пленума на трудовую вахту.

Ритм и качество. Вот два непереносимых условия успеха. Осуществляя свой контроль, партийный комитет и все цеховые парторганизации постоянно заботятся о чести заводской марки.

Автомобили «Москвич» полюбили не только люди нашей страны. Они колесят по дорогам 43 стран мира.

В цехах завода малолитражных автомобилей настойчиво внедряется автоматика. В ближайшее время цех моторов станет первым на заводе комплексно-механизированным цехом. Все для человека, все для того, чтобы ему легче было работать.

В цехах только и слышишь: «модель 403», «модель 408». Уже в этом году с главного конвейера должны сойти первые сотни машин «403».

Когда секретарь партийного комитета завода Юрий Григорьевич Зайцев уходит в эту страдную пору в цех, он никогда не может сказать, что скоро вернется. Много забот, и не только производственных. Недавно построен новый, шестой по счету в этом году многоквартирный дом и заселен. Идут отделочные работы в седьмом. Ни мало, ни много — шестнадцать тысяч квадратных метров жилья за один год! А новая четырехэтажная поликлиника, а отличный детский сад, который скоро примет детей!

Разве перечислить все вопросы, которыми постоянно занимается партком завода малолитражных автомобилей? В плане его работы можно прочитать все, что касается труда, быта, отдыха 15 000 человек.

В канун Пленума завод выпустил сверх плана около 2 000 автомобилей. Напряженные, волнующие творческие дни!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й
№ 137 (4570)
Суббота,
17
ноября
1962 г.

Цена 4 коп.

СОЗВЕЗДИЕ ТАЛАНТОВ

Много раз москвичи принимали у себя дорогих гостей — мастеров украинского искусства. И всегда приход коллектива Киевского государственного театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко радует и волнует новизной.

Стремление к овладению самым разнообразным по стилю, тематике, национальным школам репертуаром, плодотворная работа над созданием советского музыкального спектакля — вот что отличает творчество этого театра и заставляет с большим интересом знакомиться с его гастрольным репертуаром: оперой Н. Лысенко «Тарас Бульба», «Мазепа» П. Чайковского и «Арсеналом» Г. Майборды, балетом «Лилия» К. Данькевича, «Лесная песня» М. Скоруюльского и рядом других спектаклей.

В эти дни, когда Киевский театр оперы и балета показывает свои спектакли на сцене Кремлевского Дворца съездов, а сцену приветствуют талантливейший коллектив театра и его главного режиссера народного артиста СССР М. Крушельницкого. Я рад, что москвичи зрители услышат превосходнейших украинских певцов. Ведь труппа театра — настоящее созвездие талантов, где наряду со старейшими мастерами сцены, такими, как М. Гришко, в ведущих партиях заняты актеры более молодого поколения, победители международных конкурсов и фестивалей — Е. Мишинченко, Б. Руденко, А. Кикоть и многие, многие другие.

Александр ИВАНОВ,
народный артист СССР

ГОРОД ИМЕНИ ПОЭТА

Молодое выглядит украинский город Стаханов в свои тридцать лет юбилейную дату трудящиеся Прикарпатья торжественно отметили в эти ноябрьские дни. А накануне юбилея город был переименован. Праздник Первого Съезда СССР своим знаком дал ему имя великого украинского поэта-революционера Ивана Франко. Это славное по происхождению и общественным организациям области. Отныне город называется Ивано-Франковск. Стахановская область соответственно переименована в Ивано-Франковскую.

Многое связано в этих местах с Иваном Франком. Он родился здесь, в селении Ужгород, в семье издателя, журналиста, общественного деятеля, в том числе славянского «Глини» — стихотворения, которое под названием «Вечный революционер» стало одним из самых популярных в Украине. На торжествах по поводу 300-летия Ивано-Франковска приняли гости из соседних областей — Львовской, Тернопольской, Черновицкой. Состоялся обширный обмен мнениями, состоялся съезд областного и городского Советов депутатов трудящихся. Депутаты и гости, среди которых были Уроженцы Стахановской области Юрий Мельничук и Дмитрий Павлович, говорили о величайших преобразованиях, совершающихся в Стахановской области, о замечательных людях, которые за годы Советской власти, Дмитрий Павлович прочитал стихотворение, посвященное городу Ивано-Франковску.

ЖИЛИ-БЫЛИ три брата. Людям они были упрямыми. Но до этого удивились! Эстонское упрямство даже вошло в поговорку.

Старший из упрямых братьев написал несколько романов, пьес и киносценариев. Зовут его Азду Хинт, и его не раз поминали добрым словом газеты и журналы «тодысты» и «тонкены».

Младший брат, Константин Хинт, тем временем строил дом. Он ничего не писал, о нем — тоже. Он строил и строит.

Самым упрямым оказался средний брат, Похание Хинт. Он написал тридцать книг и брошюр, посвященных, в конечном счете, одной и той же теме. Может быть, в нем пропал романтизм. Во всяком случае его газетные статьи всегда интеллигентны и публицистичны. Он — автор силикальцита, и это его произведение нужно каждому из нас.

Каждому. Первая из научных работ Похание Хинта появилась двенадцать лет назад. Названия у нее было скучное: «Диссертационный способ изготовления силикальцита и силикальцитных изделий». Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Диссертацию он защитил отлично.

После этого задался еще одиннадцатый лет. История борьбы за силикальцит полна драматических эпизодов и коллизий совершенно удивительных. Об этой борьбе можно написать роман, а уж документальную повесть — наверняка. Посудите сами, молодой инженер в небольшой лаборатории на пропавшей с советским станком Талина — силикальцит строительный материал — фантастический. Детали из него можно везти — и фундаменты, и перекрытия, и стены. Он легче прочнее, чем бетон, и много дешевле его. А сырье для него — известь и песок — есть почти в любой точке земного шара. Только за Антарктиду не могу поручиться.

Ученый мир принял изобретение более чем прохладно. Смесь песка с известью? Простите, но это давно известно! Это же силикат, светлосерый силикальцит кирпич, из которого на земном шаре сложены миллионы зданий. Разумеется, не особо ответственных зданий — материал не ахти какой. И вдруг у Хинта смесь песка с известью становится более прочной, чем бетон? Не может быть!

Инженеры и академики отдавшие жизнь теории и практике бетона, привыкли верить не в чудеса, а в реальные возможности строительных материалов. За полтора века, со времени изобретения цемента и до наших дней, прочность бетона выросла всего в два-три раза. Кто мог на слово поверить, что новорожденный силикальцит сразу по всем показателям обогнал бетон? Нет, конечно, нет!

Противники были страстные и пристрастные — от честно ошибавшихся академиков до рутинеров и дельцов. Нужно было не «верить на слово», а заинтересоваться, отразиться в лабораторию, сделать опыты, повторить их. Любопытнейшие люди в Академии строительства и архитектуры почти не нашлись. За двенадцать лет лишь три академика побывали в этой лаборатории. А вот те, которые ни разу не видели силикальцита, написали за это время полсотни отрицательных заключений.

Так им казалось спокойнее. Им было спокойнее не выискивать из бутылки этого мятного духа — силикальцит. И вот над чем приходилось задуматься: авторитет маститых был так велик, что еще долго не выдать бы миру силикальцит, если бы не таким упрямым человеком был Похание Хинт!

Он ставил новые и новые опыты. Нет, он не голодал, не забивал в носу, как суслик, и богатые дамы не присылали ему денег на харчи. Хинт шел к хозяйственникам, к партийным работникам.

Далеко не везде его поддерживали. Он дошел до первого секретаря ЦК Компартии Эстонии тов. Кабина. И тут нашел поддержку.

Хинту не нравились создатели, как это часто бывает. Он сам искал и находил их. Половина его работ написана в сотрудничестве с учеными смежных специальностей, с технологами и строителями.

Эти соавторы и сейчас работают вместе с ним. Так сплотившись ядро коллектива.

признанию: да, говорили зрелости, это можно. А вот на большее силикальцит не способен.

Зато о каждом промахе говорили долго и с удовольствием. Кстати, когда одну партию деталей забраковали, упрямый кандидат технических наук сложил из них дом для себя самого. И до сих пор живет в нем.

Силикальцит все шире применялся в Эстонии, начал выходить и за ее пределы. Его достоинства бросались в глаза. В его защиту подняли голос «Правда» и многие другие газеты. Статьи подчас так и назывались: «В защиту силикальцита». Журналисты и строители защищали силикальцит от его ученых противников. Миллионы

смотрели керосиновые королки на первую электрическую лампочку.

Я увидел нечто негнгантское и неубедительное. Самосвалы ссыпали в приемный бункер песок, в другой — известь. После обработки готовая смесь поступала в формы, стоявшие на вагонетках. Рабочие уплотняли смесь и закатывали вагонетки в автоклав, куда затем поступал пар под давлением. Вот и все. Через положенный срок пропаривания изделие будет готово.

Все это очень напоминало производство силикатного кирпича. Того самого, вместо которого «лучше бы красненького». Ну, более строгая технология, тщательная дозировка, точ-

но подобранный температурный режим. Остальное — все то же. Но чудо происходит... Силикальцит — искусственный камень, в котором само вещество песка срастается с общим монолитом. Плотный, напоминающий по структуре мрамор, силикальцит не уступает в прочности привычному бетону с дорогостоящим цементом, песком и щебнем. Да ведь и щебень сейчас стоит немало — для высокопрочных бетонов его везут подчас за тысячи километров.

Силикальцит можно армировать, и эти конструкции способны заменить сборный железобетон. — Обратите внимание, — широко жестом обводит вокруг Клаусон, — весь наш завод построен из силикальцита. Все — колонны, стены, подкрановые балки — силикальцит. — Вы, очевидно, энтузиаст? — улыбаюсь я.

— А тут не энтузиастов нет. — Спокойно отвечает Клаусон. — Ведь у каждого есть глаза, голова. Разве силикальцит не агитирует сам за себя?

Д. А. бой за силикальцит выигран. Можно бить в литары. Вот передо мной сидит самый упрямый из трех братьев — Похание Хинт. Этот человек может быть доволен своей судьбой. В этом году он удостоен Ленинской премии, он научный руководитель института, доктор технических наук, признанный авторитет.

А он недоволен. У него голубые глаза под роскошными бровями, а в высоких темных волосах еще еле заметна седина. У него большая, дружная семья, прочный и уютный дом, полный достаток. Словом, все блага жизни.

А он недоволен. Институт силикальцита стал Меккой для строителей всего мира. Сюда приезжали на испытание пески из тысячи ста месторождений, расположенных на всех континентах, кроме Антарктиды. Из всех этих песков непригодными для изготовления силикальцита оказались два. Пески из нашей столицы алмазов, города Мирного Якутии, — почему, Лес на Голландию степи и из Китая. Пески пустыни Сахары — пожалуй, годятся.

Сюда едут капиталисты, владельцы строительных фирм Европы, Азии и обеих Америк желая приобрести право заменить старый бетон силикальцитом.

Вот в конце отъезда странной чередой идут адреса посетителей института: Киев, Киев, Якутск, Бонн, Прага, Вухарест, Ашхабад, Токио, Нью-Йорк, Лодз, Польша, Рио-де-Жанейро. Мы победили. Похание Хинт! Чем же вы недовольны? Откуда у нас эта ноющая серия бесконечных? Кажется, драка кончилась, стоит ли махать кулаками?

Доктор технических наук покачивает головой.

Махать кулаками стоит.

Упрямый доктор Хинт убежден в том, что цемент, бетон — ошибка человечества. Он уверен, что на смену эпохе бетона придет век силикальцита. Он подсчитывает рост населения земного шара, предсказывает статистику ООН, количество жилья, которое человечеству, и отсюда выводит потребность в силикальците. Пятьсот крупных заводов будет по экстенсивно вводить в строй Похание Хинт.

А пока. Пока пока, наконец, права гражданства сорок потукать старых заводов, которые выросли у нас за минувшие годы. В будущем году завод должен построить еще двадцать заводов. Но цементная промышленность и производство привычного бетона парализованы по-прежнему горюдо бистрой.

Все больше друзей у силикальцита. Он доблестно агитирует сам за себя! В совхозе № 6, да в других поселках в Голландии степи многие дома сооружены из силикальцита. Да еще из каменого из лесосиликальцита. Десять

любителей специально приезжали посмотреть, как их земля, та самая, на которой растет хлопок, на заводе превращается в «белый камень». Не такой человек тов. Саркисов, чтобы возить бетон за тридевять земель, когда отличное жилье можно строить из извести и песка, который тут, под ногами... Скоро целых триста тысяч квадратных метров жилья в год будет строиться здесь из силикальцита.

Только триста тысяч, — поправляет Похание Хинт.

Назрело время всеобщего совещания по силикальциту. К сожалению, на бетонных заводах выпускать его нельзя, переоборудовать эти заводы не рационально. Нужно строить новую базу

стройпромышленности. Тем более срочно, крупно, по государственному плану нужно определить место цементных и силикальцитных материалов в нашем строительстве.

Двенадцать лет назад появился силикальцит. Вы только подумайте, товарищи, сколько упущенных возможностей, сколько перекрещиваний средств, сколько недополученного нами жилья!

Как спокойно мы подчас относимся к спорам, идущим где-то воле нас, которые на первый взгляд кажутся чисто научными! Словно за ними не стоят реальные вещи, кровно касающиеся каждого из нас!

Каждого. Товарищи ученые из Академии строительства и архитектуры! Не слишком

«ВСЕ ПРИ СЕБЕ»

В нашей учительской над шкафом с классными журналами и методической макулатурой возвышается сработанный из пальмачевого человеческого торса. В отверстие груди хорошо видны внутренние органы: сердце и легкие, желудок и печень. Как говорят наши ученики, «все при себе». Просто и наглядно. Может быть, слишком просто? Впрочем, фабричная этикетка, приклеенная к учебному муляжу, точно называет наглядное пособие — «торс упрощенный».

Кто-то из учителей шутил называл торс «отличником», имея в виду, разумеется, эталон «хорошо-отвечающего» ученика. Прозвище пришло в голову, и наименование уступило кличке. Наш биолог так и говорит лаборанту: «Отнесите в класс «отличника».

И в самом деле, чем-то напоминает наш упрощенный «отличник» тип ученика, у которого «все при себе». Он ко всему равнодушен, но вечно озабочен одной лишь необходимостью — «успевать». Уходящий тип, но все еще встречающийся. Не проявляет такой ученик в школе ни интереса, ни прилежания. Этакий скучный «нежилец на белом свете», не бьет сердца, не выдыхает грудь. Пригоден он разве что для благополучных ответов об успеваемости. «Успевает» он и по литературе...

В учительской под сенью торса упрощенного часто присаживаемся мы, учителя-словесники, и спорим о том, как же нужно обучать и воспитывать наших учеников, как преподавать литературу. Перебираем в памяти методические рекомендации, вспоминаем, как остро критиковали методисты и учителя наша печать. И — по совести — все чаще думаем, что в работе своей подчас забываем главное, теряем из виду тех, кого учим: требовательных и умных наших учеников. Неопытного в своей индивидуальности подростка, который и начал не похож на эталон «торса упрощенного», мы лишаем сведениями, ориентируем на ученика «вообще».

А ведь мыслал когда-то А. С. Макаренко: «Достоинство нашей эпохи и нашей революционной организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, и то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохраняя свою индивидуальность».

Во времена, когда многочисленные диссертации славил Макаренко, вытравляла из его учения все живое и нужное, и с легкостью перечеркивали

БАБА-ЯГА И УРОК СЛОВЕСНОСТИ

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПРЕПОДАЕМ ЛИТЕРАТУРУ?

Обсуждаем статью С. П. Титова

Л. РЫБАК

понятие «индивидуальность», иной учитель тщился наладить механически бездумную работу будущих «винтиков».

Пришла иная пора. Перестраивается система народного образования. Но в преподавании литературы минушие годы перестройки мало что изменили.

В ОДНУ ЛИНЕЙКУ

Как-то говорили мы с коллегами о пресловутой сочинительности. В конечном итоге по письменным работам должны мы судить об ученике о том, как он мыслит, как чувствует...

Одна преподавательница, склонная к афоризмам, сказала: «Тетрадь — это лицо ученика». Мы рассмеялись: тетрадь — лицо... Представляли себе своих воспитанников: озорную Валю и застенчивую Женю, сообразительного и насмешливого Алешку и малоподвижного Гудума Гену, и у каждого — тетрадь. Экий щедринский гротеск! Синоним, действительно, Сформированное неслыханно! Нет, не только это.

Стопка тетрадей в одну линейку — сочинения. Почитаешь их: Валю, Женю, Алешку, Гену — все на одну линейку. И добро бы — симпатичная физиономия, а то — нечто унылое и однообразное, стандартно-индивидуальное. За чужими словесами не увидишь мысли. В одну линейку выстроились безликие фигуры. Иной раз попытаться увидеть за шаблонным сочинением знакомое лицо и оставишь попытку — безнадежное дело!

Ругает учитель почему зря Валю, подбавляет Женю, сжимает Алешку и вытаскивает расшнурованную Гену — не жалко. Обезличенная, речью обличает, рождает разных школьников, различные индивидуальности, но выше преподавателя, по сути, упрямой, мотальной методики. За учебной тетрадью — лица озадаченных методистов и незадачливых учителей.

Как бы педагог ни поучал ученика, тот твердо опирается на «методику работы над сочинением». Подрасток еще не знает слова «компли-

ция», но соответствующее понятие усвоил интуитивно и не без помощи педагога.

И будет так до тех пор, пока не откажемся мы от рутинных приемов работы, от традиционных тем сочинений, от стандарта навязываемых ученику трюизмов, от всего того, что не возмещает на личность, оставляет раздвоенным...

Надо же, какое падение: сейчас, когда я пишу эту статью, по соседству, за обеденным столом, прислонилась мой сын-пятиклассник, он пишет сочинение. Поверьте мне: со слов: то, что я напишу сейчас, не является литературным приемом, а правда истинная.

Итак, вон там сидит мой сын, грызет авторучку (в школах теперь разрешают писать авторучками — это значительный прогресс!), он обдумывает домашнее сочинение по картине Левитана «Золотая осень». В классе учитель дал им посмотреть на репродукцию (буквечка, качество наших репродукций), а сочинение задавал на дом.

И вот смотрит парень в книжку, обдумывает работу. А за окном — строящиеся кварталы Новых Черемушек. Куда ни глянь — подвешенные краны, панелевозы тянут к строящимся домам, бетонные кубики будущих домов. Смеркается, и в сотне шагов от нас вспыхивает красная буква «М» у входа на новую станцию метро. Где «Золотая осень»? Не видно золотой осени. Вон там есть, правда, тонкие деревца молодых посадок, но листья с них облетели, только воробьи качаются на ветках. Совсем другой настроения!

Поменяйся мы с сыном местами, я бы грыз авторучку и ничего не написал. А он задержал штору, вынул из портфельчика листок, на котором записал под диктовку, что увидел сочинения и короткий набор стандартных ответов с двумя цитатами — одна из Пушкина, другая — из Тютчева. Все уже готово к употреблению, так что предстоит не сочинение написать, а кубики сложить: ума не надо, чувств не надо, труда не надо.

Например, в плане: «Каким чувством вызывает в нас картина Левитана?». В продвинутом варианте: «Чувство радости вызывает у нас золотая русская осень». В сочинении: «Мне очень нравится эта картина. Глядя на нее, чувствую радость охватывающую меня за нашу русскую природу».

Эй, постой-на, — прерываю я сына, озабоченным чувством радости. Ты же говорил, тебе не нравится картина Левитана? — А задание? — Конечно возражает сын. — Охота была двойку получать... (Окончание на 2-й стр.)

